

ЛЮДМИЛА ДЫМЕРСКАЯ,

кандидат философских наук, главный редактор альманаха “Евреи СССР на перепутье”, Иерусалим

**Сталинский антисемитизм в структуре
идеологии русско-имперского
коммунистического мессианства
(К истории формирования)¹**

Abstract

Stalin's anti-Semitism is discussed as a doctrine component of Messianic ideology. There is presented a genealogy of Russian-imperial communist Messianism being a base for a doctrine of Russian-soviet state anti-Semitism. The author used numerous factual materials and a wide range of sources.

**Доктринальный антисемитизм — интегральная часть
мессианских идеологий**

Сталинский антисемитизм, подобно всякому доктринальному антисемитизму, существует не сам по себе, а является интегральной частью более общей, претендующей на универсальность идеологии. Идеология сталинизма, как и предшествующие ей — религиозные и этноэататические (русская, немецкая), тоже носит ярко выраженный мессианский характер, как и они, отличается манихейско-гностическим подходом к объяснению всех феноменов прошлого и настоящего, как и они, представления о будущем сводит к своему варианту эсхатологии.

¹ Расширенная и дополненная версия доклада (Die Doktrin des Stalinischen Antisemitismus. Zur Entstehungsgeschichte), прочитанного на конференции в Германии в 1998 году. (Der Spatstalinismus und die ‘Yudische Frage’ // Hrsg. L. Luks. Köln; Weimar; Wien, 1998.)

Обязательная в таких идеологиях доктрина антипода практически сводится к тому или иному варианту антисемитизма, содержание которого — трактовка злокозненности Еврея и способов ее преодоления — находится в прямой зависимости от представлений о миссии того или иного мессии.

Сталинский антисемитизм является составной частью идеологии русско-имперского коммунистического мессианства. Эту идеологию, воспринимавшую на новой исторической основе версию всемирно-исторической освободительной миссии России, И. Сталин возводит в ранг государственной в начале 1936 года. Однако формироваться она начала значительно раньше: первая заявка была сделана еще В. Лениным, провозгласившим победу пролетарской революции в одной отдельно взятой стране. Сталин, заявив о возможности победы социализма в СССР (конец 1924 года), а затем организовав триумфальную констатацию этой победы (XVII — “съезд победителей” 1934 года), существенно укрепил идею особой исторической миссии России. Объявив революцию величайшим достижением русского народа, возглавившего теперь мировой революционный процесс, Сталин тем самым опровергал получившую огромное распространение версию о большевистской революции как революции, инициированной евреями в целях завоевания мирового господства. Версия эта, подкрепленная участием евреев в партийном руководстве, оказалась весьма живучей благодаря популярности “Протоколов сионских мудрецов”, переизданных на многих языках во многих странах. Никогда не входя в прямую полемику с адептами “Протоколов”, Сталин стремился показать, что место, якобы захваченное Антихристом, на деле и по праву занимает истинный русско-коммунистический мессия¹ [1].

По контрасту с ипостасями новоявленного мессии — российско-имперской и пролетарско-коммунистической — формируется и образ антипода. До тех пор, пока миссия по освобождению человечества возлагалась в основном на “международный пролетариат” и “мировую революцию”, антиподом мессии служила “международная буржуазия” и ее разнообразные “ставленники” и “агенты”, объединяемые категорией “классовый враг”. Положение меняется, когда на пьедестале рядом с “международным пролетариатом” появляется ново-старый мессия — “русский народ”. Совмещение этих мессианских ипостасей приводит к образованию некоей пирамидальной структуры, в основание которой помещается русский народ, породивший самый героический отряд международного пролетариата — русский рабочий класс во главе с партией большевиков. Пирамида увенчивается “гениями человечества” Лениным и Сталиным, подаренными миру русским народом.

Включение в образ мессии новых его ипостасей сопровождается введением в пропаганду соответствующих им антиподных фигур. Наряду с эксплуатацией понятий “патриотизм” и “родина” (она же “социалистическая родина всех трудящихся”), активизировавшейся после “съезда победителей”, появляется понятие “изменник родины”. Оно предшествует понятию “враг народа”, которое внедряется в массовое сознание в итоге двух-трехлетних

¹ Показательно, что ни в одной из многочисленных противоантисемитских публикаций, выпущенных в рамках пропагандистской кампании 1925–1934 годов, не парируется версия о еврейском авторстве революции и самой советской власти. Сама же эта кампания была, по существу, камуфляжем борьбы с оппозицией, умело представленной Сталиным как оппозиция еврейская — и по своему составу, и по своему характеру.

спекуляций на вере в прекращение репрессий, в “социалистический гуманизм” и “общенародное государство”, спекуляций на абстракции “народ” как высшая ценность, а в филиппиках против “формализма” ещё и как верховный ценитель, как “мера всех вещей”. Оба идеологических клише — “изменник родины” и “враг народа” — обладали той же убойной силой, что и определение “классовый враг”; закон об “измене родины”, предусматривающий только одно наказание — смертную казнь, был принят 8 июня 1934 года, понятие “враг народа” появилось в прессе вместе с публикацией 15 августа 1936 года обвинительного заключения по делу Каменева–Зиновьева.

За несколько месяцев до массивной атаки на “врагов народа” в публикациях “Правды” появляется фигура “врага русского народа”, вырисовываются определяемые интересами вождя роли этого врага. Роли эти поначалу предназначаются потомственному русскому интеллигенту Николаю Ивановичу Бухарину. В обширной литературе о Бухарине и о Сталине этот факт почему-то не фиксируется. Так же, как остается в тени то, что именно в противопоставлении “антипатриоту”, “врагу русского народа”, Бухарину утверждались новые роли Сталина — вождя русского народа, его защитника, правомерного продолжателя его великодержавной истории.

В процессе развернувшейся против Бухарина кампании создается матрица антипода русско-коммунистического мессии. Именно по этой матрице кроились впоследствии фигуры “антипатриотов”, “космополитов”, “руссофобов”, “сионистов” — всех тех, кто составил собирательную демоническую фигуру уже не врага народа, а народа-врага, совместившего все существовавшие до него ипостаси антипода русско-коммунистического мессии. Доктрина “народа-врага”, доктрина антисемитизма, которая отработывалась в публичных кампаниях 1949–1953 годов, стала составной частью позднего сталинизма, претерпевшего некоторые изменения в связи с возникшими в послевоенной ситуации политическими задачами. Но изменения эти не затронули сущности сталинизма, и он оставался тем, чем стал в процессе его формирования, а именно — идеологией русско-имперского коммунистического мессианства.

Тайна вещи, писал Гегель, кроется в её происхождении. Попытаемся разобраться в том, когда, как и с какой целью идеология, в рамках которой выстроилась доктрина русско-советского антисемитизма, была возведена в ранг государственной.

На фронте исторической науки

Под такой шапкой в понедельник, 27 января 1936 года, на второй странице “Правды” и “Известий” печатались написанные полутора годами ранее, в августе 1934 года, “Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу школьных учебников по истории СССР и новой истории” [подр. см.: 2]. Рядом публиковалось сообщение “В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)” о том, что обе высокие инстанции решили “создать комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости — и для переделки уже написанных учебников”. В постановлении, подписанном Сталиным и Молотовым, перечислялись все одиннадцать членов комиссии, председателем которой назначался Жданов. Завершал список Бухарин, гибель которого, как и других членов комиссии (Радек, Бубнов, Бауман, Лукин, Затонский, Сванидзе, Ходжаев, Горин, Яков-

лев), можно полагать, была предрешена уже тогда. Так же, как и при написании “Замечаний”, наверняка была предрешена судьба обоих русских соавторов Сталина — застреленного Кирова и заместившего его Жданова, до конца дней своих остававшегося главным интерпретатором сталинских идей.

Но вернемся к “Замечаниям”. Одновременно с их публикацией газеты посвятили им передовые и теоретические статьи: “Правда” — статью Радека, “Известия” — ответственного редактора газеты Бухарина.

Непосвященному и в голову не могло прийти, что полоса фронта пролегла между двумя центральными органами, в унисон прославлявшими “дело величайшей важности”. Скорее всего и сам Бухарин еще не подозревал в январе, что он-то и есть главный противник, против которого выстроится “фронт исторической науки”. Более того, он сам поначалу участвует в войне, начавшейся как будто лишь против школы Покровского (подзаголовок его статьи — “О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н.Покровского”).

Но прошло всего три дня, и стало ясно, что не покойный друг Бухарина Покровский, а он сам является главным объектом запланированной операции.

В четверг, 30 января, передовая “Правды” уже клеймит неких “любителей словесных выкрутасов, мало смыслящих в ленинизме”, которые осмелились утверждать, что “до революции обломовщина была самой универсальной чертой русского характера, а русский народ был нацией Обломовых”.

В передовой от 1 февраля “Правда” продолжает наступление. На сей раз все еще не названный Бухарин оказывается в одной компании с “продажными фашистскими профессорами”, доказывающими, что “русские даже не люди”, и с Гитлером, который заявил, что “не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству”, что “всем этим Россия обязана германским элементам”. Чтобы прочнее привязать Бухарина к фашизму, в числе “германских элементов” называются не только реальные исторические лица (“русские цари Романовы, затем все эти Ольденбурги, Ренненкампы, Фредериксы, фон Плеве, Штюмеры, Остенсакены и др.”), но и вошедший в русскую литературу “тип немца-управляющего”. Имеется в виду, понятно, Штольц, персонаж романа Гончарова “Обломов”.

Имя главного героя этого романа, ставшее нарицательным после статей Добролюбова о Гончарове, действительно было упомянуто Бухариным в статье, посвященной годовщине смерти Ленина. Статья была напечатана в “Известиях” 21 января (за шесть дней до публикации “Замечаний”) и называлась “Наш вождь, наш отец, наш учитель”. В каком же контексте фигурирует “нация Обломовых” у Бухарина? Это выражение он использует, чтобы противопоставить “прежней раздробленной России” Советский Союз, “самую организованную страну в мире, с единой теорией, с единым руководством”. О Ленине и партии большевиков он пишет как о силе, которая нужна была, чтобы “из аморфной малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата”.

Из этого апологетического текста явствует, что Бухарин, следуя пролетарско-интернационалистским установкам, не склонен принимать тезис о генетической связи Российской империи и СССР. Напротив, опираясь на раскавыченные цитаты Ленина, который определял Обломова как “тип

русской жизни”, Бухарин *противопоставляет* СССР России, а большевиков — универсальной российской обломовщине.

Но, разумеется, не верность идеям “великого Ленина” заботила главного режиссера антибухаринской кампании. Ему нужен был муляж врага, борьба с которым оправдала бы внедрение русско-имперской идеи в официальную советскую идеологию, призванную закамуфлировать народодобийственную сущность коллективизации и освятить начавшийся “большой террор”. Муляж должен был также послужить для прославления Сталина как истинного вождя русского народа, которого, в отличие от “антипатриота” Бухарина, по настоящему заботит достоинство русского народа, преемственность его государственной истории, его особая историческая миссия.

Уже в первой антибухаринской передовой “Правды” разоблачения “любителя словесных выкрутасов” служат прологом к главному: “народ, давший миру таких гениев как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества как Ленин и Сталин, — народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую социалистическую революцию, — такой народ называть “нацией Обломовых” может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит”. Так под аккомпанемент гневных тирад против “этого человека” совершается превращение “чудесного грузина” в “гиганта человечества”, подаренного миру русским народом.

Через номер (1 февраля 1936 года) в передовой статье “РСФСР”, продолжая клеймить “историческую неправду” и “вредную болтовню” о нации Обломовых, “Правда” противопоставляет им “блестящее определение товарищем Сталиным русского революционного размаха”. Связывая все еще не названного автора этой “болтовни” с фашистскими профессорами и Гитлером, газета пишет, что в “клевете наших врагов огонь в первую очередь направляется на русский народ”.

Ненависть к русским “Правда” объясняет их исторической миссией — тем, что “великий русский народ стал во главе исторического процесса, указывая пролетариату и трудящимся капиталистических стран путь освобождения от ига эксплуататоров”.

Далее с пафосом утверждается мессианско-цивилизаторская роль “великого русского народа”, который по-орвелловски провозглашается “первым среди равных”.

На следующий день (2 февраля) Бухарин в передовой “Известий” пытается парировать нападки “Правды”, противопоставляя русско-мессианским ее тезисам формулы пролетарского интернационализма. Если в “Правде” РСФСР именуется “первой величиной в созвездии советских республик”, то Бухарин называет ее “равной среди равных” в “братской семье”, переводя оценочное определение “великая” в количественное “крупнейшая и сильнейшая”. Он не принимает новых формул: “первый среди равных”, “царизм — тюрьма народов” и “царизм — жандарм Европы” и упорно пишет, что не царизм, а Россия перестала существовать как тюрьма народов, “как алчный и хищный насильник над национальной культурой и волей 180 народов”. Эпитет “великий” он относит не к русскому, а ко всему советскому народу, который возникает как “великое содружество народов СССР, в котором нет ни угнетенных, ни господствующих”.

Ответом были обвинения, уже прямо адресованные Бухарину, в редакционной статье “Об одной гнилой концепции”, занявшей обширный подвал “Правды” от 10 февраля.

Автор “гнилой” концепции противопоставлен гениальным вождям трудящихся Ленину и Сталину, которых (ещё раз повторяет “Правда”) “дал миру наш великий русский народ”. “Товарищ Сталин говорит о ленинизме как о высшем достижении *русской* культуры”, о “*русском* революционном размахе, обеспечивающем столько всемирно-исторических побед”. Он “с исчерпывающей полнотой показывает, почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь *русских* коммунистов Ленин — ее творцом”. В то же время антагонист Сталина Бухарин “находится в непримиримом противоречии со всей историей нашей страны, нашей революции и нашей партии”, партии, которая “всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии Иванов, не помнящих родства, пытающихся окрасить историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет”.

Бухарин противопоставляется всей партии, которая “никогда не допускала искажений исторической перспективы и преемственности”.

О какого рода преемственности между СССР и Россией идет речь, можно видеть по обвинениям в адрес Бухарина, который, писала “Правда”, вряд ли сумеет объяснить, как это “нация Обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромного государства, занявшего 1/6 часть суши земного шара”.

Такое объяснение, пишется в статье, требует разработки “подлинно научной истории народов СССР”. О том, какое “огромнейшее значение придает такой истории партия, — раскрывает смысл происходящего “Правда”, — с исключительной силой напоминают недавно опубликованные [напомним: ровно за две недели до этой статьи] материалы “На историческом фронте” — “Замечания тов. Сталина, Кирова, Жданова”. Следующая за этим угроза “разгромить все гнилые антиленинские клеветнические концепции, извращающие наше прошлое”, наводит на мысль об изначально антибухаринской предназначенности публикации “Замечаний”. В пользу этой гипотезы говорит сама синхронность событий. Напомним. Предаваемая анафеме статья Бухарина напечатана 21 января, а уже через 6 дней публикуются “Замечания” и следом открывается пропагандистская кампания, целиком построенная на разоблачении “клеветнической концепции” Бухарина, на противопоставлении его вождю.

Спустя четыре дня после статьи в “Правде”, 14 февраля, Бухарин публикует в “Известиях” “Ответ на вопрос”, хотя безапелляционные обвинения “Правды” менее всего походили на вопрос. Бухарин осуждает приписываемую ему концепцию и уверяет, что не имеет к ней ни малейшего отношения. Он выражает сожаление, что слова “нация Обломовых” дали повод многочисленным органам печати “расширить постановку вопроса до приписывания ему... целой исторической концепции, по которой весь великорусский народ (до революции) трактуется как ни на что не способная величина”.

Как можно видеть, Бухарин ясно говорит об использовании “повода” и “приписывании” ему “целой исторической концепции”. Из этого можно заключить, что преднамеренность действий “на историческом фронте” более не составляла для него тайны.

В предпринятом наступлении приписанная Бухарину антирусская концепция связывалась с немецким фашизмом и непосредственно с самим Гитлером. Понял ли Бухарин сущность сталинского маневра, призванного

закамуфлировать намерение вождя взять на вооружение столь успешно использованную Гитлером национально-имперскую идею?

Внимательное чтение “Известий” дает основание утверждать, что Бухарин не только сам понял цели предпринятого Сталиным броска, но и постарался использовать имеющуюся в его распоряжении трибуну, чтобы донести смысл происходящего до других. На следующий день после национал-коммунистических излияний “Правды”, 11 февраля, в “Известиях” начинается публикация повести Бруно Ясенского “Нос”, продолженная в номерах от 12, 14 и 17 февраля. Повесть, надо полагать, была написана по следам принятых в сентябре 1935 года на Нюрнбергском “съезде победителей” законов о чистоте арийской расы.

Демарш против Сталина

Бруно Ясенский о подобии режимов

Свою повесть Ясенский предваряет эпиграфом из повести Гоголя “Нос”: “Но что странно, непонятнее всего, это то, что авторы могут брать подобные сюжеты.

Однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете”.

О каком же подобии (слово это дважды повторено в эпиграфе) повествует Ясенский в своей фантазмагории?

Главное действующее лицо “Носа”, профессор сравнительного расоведения Отто Калленбрук в новом своем научном труде “Эндогенные минус-варианты еврейства” исследует влияние семитического носа на психические черты еврейства. Книга пользовалась огромным спросом и спешно переиздавалась массовым тиражом.

“Однако сам вождь, — пишет Ясенский, — перегруженный государственными делами, книги до сих пор не прочел. В имперском же министерстве просвещения и пропаганды соглашались *рекомендовать ее в качестве обязательного пособия по расоведению для средних школ лишь при условии внесения в новое издание некоторых поправок*” (курс. мой. — Л.Д.).

Аналогия с только что опубликованными сталинскими “Замечаниями об учебниках истории для средних школ” как бы напрашивается сама собой. Важно и то, что эпизод с учебником никак не связан с сюжетом повести. Не исключено поэтому, что он вообще был вставлен в написанный ранее текст.

Впрочем, не только этот эпизод, но и вся фантазмагория Ясенского построена так, что у читателя легко могут возникнуть ассоциации со сталинским режимом середины 30-х годов. Профессор Калленбрук то ли на самом деле, то ли в припадке помешательства обнаруживает у себя ярко выраженный семитический нос.

Генеалогическое дерево, найденное в Тиргартене, который превращен в генеалогический сад, подтверждает еврейское происхождение основателя общества за улучшение германской расы. В момент просветления расовед обращается к жене:

- Что бы ты сделала, если бы твой муж оказался евреем?
- Ну конечно, я бы бросила его немедленно.
- И тебе ничуть не было бы жалко ни того, что у вас есть дети, ни тех долгих лет, которые вы прожили вместе?
- С какой стати жалеть еврея! — отвечает стойкая национал-социалистка.

...

– Вилли, — спрашивает Калленбрук семилетнего сына, — что бы ты сделал, если бы вдруг твой папа оказался евреем?

– Я бы позвал Фредди и Трудди, — отвечает берлинский Павлик Морозов, — и мы бы заманили его во двор, а там бы его двинули по башке кочергой, а потом выбросили на помойку.

Вспомним: отречение от жертв партийных чисток, особенно свирепых после убийства Кирова, — основная тема романа Бруно Ясенского “Заговор равнодушных”¹. В отличие от аллегорически-фантастического “Носа” роман написан в сугубо реалистической манере. Но над обоими произведениями автор работал в разгар начавшегося с убийством Кирова террора, в период внедрения в официальную декларативно интернационалистскую идеологию идей русско-имперского мессианства, весьма созвучных идеям Третьего рейха. И в обоих произведениях, написанных в разных беллетристических жанрах, писатель ищет решения одного и того же, видимо, главного для него вопроса — причин подобия того, что происходило в гитлеровском рейхе и в сталинском СССР.

Действие романа, описывающего события, синхронно происходящие в СССР и в Германии, начинается 31 декабря 1934 года исключением из партии одного из главных героев повествования Юрия Гаранина. Исключение, за которым не стояло ничего, кроме неких бредовых домыслов, сразу же очерчивает круг, отделяющий “отлученного” от отрекающихся от него “правовверных”. Ясенскому должны были быть известны и причины этого: не только самому “отлучаемому”, но и тем, кто будет уличен в сочувствии ему, также грозят шельмование, самоговор (“разоружение перед партией”), пытки, лагеря, бесславная, бессмысленная гибель. Тем не менее писатель не приемлет отступничества и объявляет войну “заговору равнодушных”. “Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле убийство и предательство”. Эти слова героя романа, немецкого антифашиста Роберта Эберхардта, убитого гестапо, Ясенский делает эпиграфом книги.

Синхронно с сопротивлением антифашистов в Германии разворачивается борьба Жени Гараниной за исключенного в ходе партийных чисток мужа. Начиная эту борьбу, Женя более всего опасается его самоубийства. Именно так, самоубийством кончали многие из тех, кто знал, как завершаются спектакли чисток, поставленные по сценариям вождя и по его режиссуре.

Кроме случаев, когда люди сами сводили счеты с жизнью, известны были и самоубийства, инспирированные, “навязанные” (Конквест) вождем и его сподвижниками. В ряду таких самоубийств стоят самоубийства особого рода — самооговоры обреченных. Самооговоры, которые вели к смертным приговорам, следователи получали не только пытками, но и используя преклонение большевиков перед партией, их стремление выполнить — даже ценой поругания и смерти — волю партии. Именно так уходил из жизни Бухарин, искавший смысл своей гибели в некоей “большой и смелой политической идее” [3]. Этот явленный миру изуверский феномен большевизма

¹ Начатый в 1936 году роман остался неоконченным — в июле 1937 года Ясенского арестовали. Первая часть романа, спасенная женой Ясенского Анной Берзинь и подготовленная ею к печати, была опубликована в “Новом мире” в 1956 году (№ 5–7).

Роберт Конквест назвал партийным фетишизмом [4], его психологическую подоплеку исследовал в романе “Слепящая тьма” Артур Кестлер [5]. Собирательным прототипом главного героя его романа были Карл Радек, Михаил Кольцов, другие репрессированные деятели, с которыми писатель общался во время своего пребывания в Москве в 1933 году. Но основной фигурой, с которой Кестлер писал Рубашова, был Бухарин. Кестлер, спасенный в марте 1937 года из камеры смертников франкистской тюрьмы в Испании, писал: “Когда я узнал, сколько шума поднялось из-за меня, и сравнил это с безвестной гибелью моих друзей в России, из которых почти все были уже к тому времени арестованы, я с большой силой ощутил долг, который следовало как-то оплатить. Роман “Слепящая тьма”, начатый через год, был моим первым взносом” [цит. по: 6].

В определенном смысле предшественником Кестлера можно считать Ясенского. В повести “Нос” он в зеркале нацистской фантазмагии воспроизводит тот феномен партийного фетишизма, ту ситуацию принятия “приглашения на самоубийство”, которая была в центре внимания Кестлера.

Близкий друг профессора Калленбрука фон дер Пффордтен (реальное лицо — юридический советник Гитлера, убитый 9 ноября 1923 года, во время мюнхенского путча и воскресший по воле писателя), узнав ужасную правду о еврейском происхождении расоведа, как и положено члену партии, думает прежде всего о партийных и государственных интересах. “Представьте себе, как обрадуются и какой вой поднимут враги национал-социализма, узнав, что один из виднейших теоретиков и идеологов расизма оказался евреем. Вы понимаете сами, вы должны исчезнуть и исчезнуть возможно без шума, — разъясняет он Калленбруку, в чем состоит его партийный долг. — ... Я бы мог одолжить свой револьвер, но слишком откровенное самоубийство наши враги не преминули бы тоже использовать для новых нападков на Третью империю. Разумнее всего, если вы сами сумеете придать вашей смерти безобидную окраску несчастного случая... Послушайтесь моего дружеского совета и сделайте это сегодня же вечером, чем скорее, тем лучше. Должен вас предупредить: в случае, если б у вас не хватало мужества умереть самому, партия вынуждена будет вам в этом помочь!”

Как можно видеть, “навязываемое” расоведу самоубийство как в зеркале отражает входившие в практику Сталина “навязанные” самоубийства его соратников (Фрунзе, Скрышник, Ломинадзе, Гамарник).

События, связанные с Калленбруком, и дальше разворачиваются по сценарию, уподобленному советским ситуациям. “Приглашение к самоубийству” юридический советник подкрепляет аргументами, почерпнутыми у самого Калленбрука. Расовед в своих “трудах” настаивает на “необходимости освободить германский народ от неполноценных элементов”. Согласно этим идеям, Калленбрук должен не только “освободить германский народ” от себя самого, но и смириться с тем, что его дети окажутся в заведении для неполноценных и в интересах постулируемой им чистоты расы будут кастрированы. В тех же интересах фрау Калленбрук должна будет поступить в распоряжение избранных для воспроизводства чистой расы арийских мужчин-производителей.

Таким образом Калленбрук оказывается жертвой собственных теорий, то есть попадает в ситуацию, подобную той, в которой оказался герой книги Кестлера Рубашов. Он, как и его прототип, крупный партийный функционер, в свое время возложил на алтарь исповедуемой им партийной непогрешимости

мости (“партия не ошибается”) немало человеческих жертв. Оказавшись в застенках НКВД, он соглашается на смертоносный самооговор не только чтобы выполнить, как призывает следователь (и как предлагает Калленбруку партийгеноссе), “последнее партийное поручение”, но еще и потому, что следователь пользуется фактически теми же аргументами, какими руководствовался он, Рубашов, принося на алтарь партии своих бывших соратников.

Когда Ясенский передавал Бухарину фантазмагорию “Нос”, наверняка он и представить себе не мог, как скоро публикатор окажется в прототипических обстоятельствах, изображенных в повести. Но Кестлер, работавший над своим романом не в преддверии, а по следам московских процессов, в качестве прототипа Николая Залмановича Рубашова сознательно выбрал Николая Ивановича Бухарина, с которым неоднократно встречался и даже подружился во время своего пребывания в Москве в 1933 году.

Кестлер дал литературному двойнику Бухарина отчество “Залманович” и тем самым, писал он, превратил своего героя в еврея, “чего сам тогда не заметил” [5, с. 200]. Тем более не мог он заметить, что, превратив Рубашова-Бухарина в еврея, был близок к прозрению. Бухарин, обвиненный Сталиным в клевете на русский народ, в антипатриотизме, названный врагом русского народа, стал предтечей Еврея как главного Злодея, главного действующего лица всех русско-мессианских мистерий и сталинского и послесталинского времени. Впрочем, вряд ли об этом мог кто-либо догадаться тогда, включая и самого Бухарина. Но то, что именно он стал публикатором построенной на аналогиях между гитлеровским и сталинским режимами антисемитской повести Ясенского, не было случайностью.

Бухарин: попытка противостояния “гитлеризации” СССР

Бухарин сам был автором ряда статей, из которых следует, что он одним из первых отметил опасное сближение гитлеровского и сталинского режимов и, пользуясь эзоповым языком, пытался довести это до сознания своих соотечественников. Ему лучше, чем кому-либо другому, было известно, как широко использовался язык иносказаний и как рьяно занимались его расшифровкой лица заинтересованные, среди которых (и он не мог не понимать этого) был сам вождь.

В повести, которую Бухарин опубликовал не просто *post hoc*, а именно *propter hoc* национал-имперской атаки Сталина (о чем, напомним, говорит хотя бы эпизод с замечаниями вождя на пособие по расоведению для средних школ), аналогии между гитлеризмом и сталинизмом настолько очевидны, а аллюзии столь прозрачны, что невольно напрашивается вопрос: как и во имя чего Ясенский и Бухарин отважились преступить “заговор равнодушных”?

Отважились, возможно, потому, что не подозревали тогда о масштабах готовящегося “большого террора”. К тому же они могли верить, что литературная слава и партийный авторитет Ясенского (особенно после романа “Человек меняет кожу”) и положение Бухарина обеспечивают им неприкосновенность.

Но скорее всего они шли на сознательный риск (вряд ли все-таки представляя, что их ожидает) ради предотвращения “гитлеризации” советской власти. О такой опасности Бухарин говорил Борису Николаевскому в Париже, куда поехал в конце февраля для приобретения архива Маркса и Энгельса. Речь шла о политических формах недопущения “гитлеровских порядков”, то есть тотальной власти одной партии. “Какая-то вторая партия

необходима, — ответил Бухарин на вопрос Николаевского. — Если на выборах будет один только список, если второго конкурирующего списка не будет, то получится то же самое, что в гитлеровской Германии” [7]. Бухарин, работавший тогда над текстом конституции, предлагал легализовать “беспартийный блок” творческой интеллигенции, предложить на выборах второй список, возглавляемый Горьким и рядом крупных ученых.

Нельзя, однако, забывать, что Бухарин оказался в Париже вскоре после организованной Сталиным против него национал-имперской кампании, параллельно с которой разворачивалась идущая под лозунгом народности борьба с формализмом. Борьба эта также во многом была нацелена на Бухарина, на ту концепцию социалистической культуры, которую он отстаивал в “Известиях” со дня своего прихода в газету. Борьбу с формализмом открывала редакционная статья “Правды” “Сумбур вместо музыки. Об опере Шостаковича “Леди Макбет Мценского уезда””. Стилистика и терминология этой статьи, пишет Лазарь Флейшман, “поразительным образом перекликались с напечатанными за день до того... замечаниями о школьных учебниках по истории. И потому высказанная в ней оценка оперы возводилась всеми без исключения к Сталину” [8].

Обе сталинские кампании — национал-имперская в идеологии, “народническая” в искусстве — явно перекликались с решениями проведенного в сентябре 1935 года в Нюрнберге нацистского “съезда победителей”. Именно там и тогда были утверждены законы о чистоте немецкой расы, а также с энтузиазмом приняты идеи, изложенные Гитлером в его докладе “Национал-социализм и искусство” [подр. см.: 9]. Все это позволяет заключить, что говоря о “гитлеризации”, Бухарин имел в виду не только политический ее аспект, но и идеологический, тем более, что этим аспектом он интересовался давно, по крайней мере с прихода Гитлера к власти.

Свой приход в “Известия” (в феврале 1934 года) Бухарин ознаменовал серией статей, главная тема которых — коренная несовместимость между коммунистическим гуманизмом и “скотством и расизмом” фашизма. Poleмизуя с Бердяевым, Бухарин категорически возражал против “причесывания под одну гребенку фашизма и коммунизма”, противопоставляя “процессу обезчеловечивания, дегуманизации, озверения, бестианизма, обездушения, обезличения” (согласно Бердяеву, универсальной тенденции современности) “социалистический гуманизм” и высокую духовность коммунизма [10].

За двадцать месяцев до нацистского состоялся большевистский “съезд победителей” (январь 1934 года). Приняв всерьез обещанное Сталиным на съезде всеобщее примирение, Бухарин в сотрудничестве с Горьким, Пастернаком и Эренбургом начинает серию выступлений за глубокую революцию в области культуры, просвещения, науки. Именно в этом он видел залог торжества социалистического гуманизма над бездушным тоталитаризмом, преграду на пути порабощения личности. Глубокая культура, продолжающая традиции мировой культуры, противопоставлялась той прямой политической ангажированности (“партийность”), упрощению (“простота”), лубочности (“народность”), которые (следуя Гитлеру) Сталин в кампании против “формализма” провозглашает принципами социалистического реализма.

Антифашизм, отменил Стивен Коэн, для Бухарина был не только стратегией внешней политики, но превалировал также в его размышлениях о происходивших внутри советского общества процессах. Предметом его раз-

мышлений после убийства Кирова становятся аналогии между гитлеризмом и сталинизмом. На это обратили внимание многие исследователи, в частности, Михаил Коряков. “Конечно, Бухарин не переставал быть коммунистом, но он, по-видимому, считал, что Сталин дает основания для сравнения коммунизма с фашизмом”, — утверждал он [11, с. 200].

Бухарин пишет обо всех фашистских режимах, этические нормы которых исчерпываются преданностью нации и государству, верностью вождю и казарменным духом. Всякий фашизм — “звериный мордобой, угнетение, насилие, война”. В последних своих статьях (лето 1936 года), написанных после возвращения из Парижа, Бухарин неоднократно подчеркивал: “...Все фашистские режимы действуют за фасадом политической фикции, обманной идеологической декорации” [12]. “Сложная сеть декоративного обмана (в словах и действиях) составляет чрезвычайно существенную черту фашистских режимов всех марок и всех оттенков” [13].

Однако Гитлера можно было обвинять в чем угодно, но только не в “идеологической декорации”, — он сам, а за ним и вся нацистская пропаганда предельно откровенно разъясняли как цели рейха, так и способы их достижения. “Политическая фикция”, “сеть декоративного обмана” — все это составляло существенную черту “фашистского режима” иной “марки” и иного “оттенка”. То, что подобные оценки могли быть отнесены к режиму Сталина, вряд ли оставалось тайной для “политизированных советских граждан”, которые, по словам Стивена Коэна, были достаточно “хорошо подкованы в эзоповом языке”. Представляя на суд читателя соответствующие аналогии, Бухарин делал это, считает Коэн, с надеждой предотвратить в СССР ситуации нацистской Германии [14].

Наблюдая разностороннее и нарастающее сближение режимов Гитлера и Сталина, Бухарин стремился разоблачать именно те стороны гитлеризма, которые воспроизводились в СССР. Для него, такого же истового интернационалиста, как и Ясенский, не менее грозным симптомом “гитлеризации”, чем политический тоталитаризм, была внедряемая Сталиным национал-имперская идеология, в немецком варианте основанная на расистском антисемитизме — главной теме повести Ясенского. Обоим — и автору повести, и ее издателю — было хорошо известно, что в русском варианте антисемитизм был такой же органической составляющей национал-имперской идеологии, как и в немецком ее варианте. Не потому ли возникли у них опасения, что новое, организованное Сталиным явление этой идеологии чревато новым же явлением антисемитизма? И не этими ли опасениями объясняется то, что сюжетным и идейным стержнем повести, исполненной красноречивыми аналогиями между гитлеризмом и сталинизмом, является нацистский антисемитизм?

“Враг русского народа” Бухарин — предтеча народа-врага

Вряд ли повесть “Нос” осталась вне поля зрения Сталина. Он не мог не понимать, что его национал-апологетическая ориентация вызывала ассоциации с Гитлером и его антисемитизмом не только у Бухарина и Ясенского. И не исключено, что в связи с этим, занимаясь, как обычно, камуфляжем, Сталин организует в мае того же 1936 года открытый противоантисемитский процесс по делу об убийстве врача еврея Вульфсона. Юрист Аркадий Ваксберг считает этот процесс маскировочным предприятием Ста-

лина и подтверждает это тем, что в нарушение сложившейся практики обвинение поддерживал сам прокурор СССР, к тому же суд проходил не в том регионе, где было совершено убийство, а в Москве. Процесс, длившийся неделю и сопровождавшийся газетной бурей, был явно рассчитан на пропагандистский эффект: Вышинский обвинял убийцу в том, что он “осмеялся... прямо нарушить замечательные указания нашего вождя и учителя о нерушимой дружбе народов нашей страны” [см.: 15].

Таким образом, обретенный в антибухаринской кампании титул “вождя русского народа” совмещался с титулом “вождя всех народов”, ответственного за их нерушимую дружбу и карающего за такое ее злостное нарушение, как антисемитизм.

Тот же, кто позволял себе усомниться в этом имидже, как это сделал автор “Носа”, мог рассчитывать на адекватный ответ вождя. Ясенский был арестован в июле 1937 года и безвозвратно исчез в пучине ГУЛАГа¹. Судьба же Бухарина, как и всей “ленинской гвардии”, в которой вождь видел помеху своему единовластию, была предрешена до и вне зависимости от публикации “Носа”. Но клевета на русский народ числилась за ним в качестве особого преступления. Обвинительное заключение, содержащее перечень бухаринских злодеяний, начиная с 1916 года, заканчивается 1936-м, когда Бухарин “обозвал русский народ нацией Обломовых”. В обвинительной речи Вышинского Бухарин, именуемый помесью свиньи и лисицы, причислен к “блоку изменников”, которым противостоит “блок советских патриотов, великих и несокрушимых в любви к своей родине и к великому Сталину”.

Итак, одним из первых врагом русского народа Сталин объявляет Бухарина. О том *как* состоялось это назначение, *каким образом* Сталин увязал его с открытием “фронта исторической науки”, мы уже видели. Попробуем разобраться, *почему* именно Бухарин оказался самой подходящей кандидатурой на эту роль.

В литературе по поводу “русскости” Бухарина можно встретить разные суждения. Так, Михаил Коряков считает, что в отличие от Ленина и Троцкого Бухарин был “русским революционером”, которому дорога Россия, который в революции видел спасение страны от военного разгрома, а в нэпе — путь к ее экономическому расцвету и укреплению крестьянства [11, с. 201].

Михаил Агурский считает оценки Корякова мифом и в свою очередь утверждает, что из всех большевистских лидеров именно Бухарин “наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма”, объясняя это чем-то “экзистенциальным”, “некой национальной самоненавистью Бухарина” [16].

Но оставим сейчас в стороне вопрос об истинном отношении Бухарина к русскому народу. Не оно, каким бы оно ни было на самом деле, предподре-

¹ Энциклопедии приводят разные даты смерти Б.Ясенского. Краткая литературная энциклопедия датирует смерть писателя октябрем 1941 года (т.8), Большой Энциклопедический Словарь — 1938 годом (БЭС, т.2). Польская энциклопедия (PWN, Vol. 3) и Энциклопедия Иудаики (Encyclopedia Judaica, Vol. 9) пишут, что писатель умер в тюремной больнице от сыпного тифа в 1939 году. Ныне покойный Иван Андреевич Дараган, проживавший в Израиле с 1979 года, рассказывал, что видел мертвого Ясенского в камере на Лубянке в 1940 году. Дарагану, которого после пыток бил озноб, сокамерники предложили снять одеяло с лежавшего в углу человека. Это был, по его словам, скончавшийся Бруно Ясенский.

делило его избрание на роль “антипатриота”. Избрание Бухарина на эту роль было обусловлено его интерпретацией нэпа, которую Сталин назвал правым уклоном, или программой правых. Именно потому, что программа эта и в партийных кругах, и среди широких кругов населения воспринималась как программа охранительная и, в конечном счете, народозащитная, Сталин для начала обвинил Бухарина в клевете на русский народ, чтобы затем объявить его врагом этого народа и врагом народа как таковым вообще.

Предоставим слово такому компетентному свидетелю, как А.Авторханов. “Сталин слишком хорошо знал, — пишет он, — что оппозиция группы Бухарина, в отличие от оппозиции блока Троцкого и Зиновьева, была популярна не только в партии, но и в стране. Платформа “правых” отвечала насущным интересам народа по трем важнейшим вопросам: 1) сохранение нэпа, 2) поднятие стандарта жизни крестьянства..., которое составляло тогда 80% населения страны, 3) отказ от всех видов репрессий в стране. В этом и заключалась смертельная опасность программы “правых” для уже обозначившегося, как говорил Бухарин, “полицейского режима” Сталина...” [17].

Чтобы закамуфлировать истинную — народодобыйственную — сущность этого режима; Сталин и рядится в снятую с Бухарина тогу защитника народа, казуистически переводя на свой счет то, что ассоциировалось в сознании современников с его программой.

Но развенчанием Бухарина и заимствованием у него роли народозащитника дело не ограничивается. Сталин широко манипулирует использованной против Бухарина русско-имперской апологетикой и, соединяя ее с “теорией обострения классово-борьбы”, запускает в пропаганду казуистическую “националистско-классово-интернационалистскую” доктрину, призванную освятить террор, который и по своим масштабам, и по результатам (число жертв, разрушение устоев народной жизни, искоренение национальной культуры) приобрел характер геноцида и геноцида, прежде всего, русского и украинского народов.

Русско-имперская апологетика, настойчиво внедряемая в публицистику, искусство, кино, формульно закреплялась в статьях советских энциклопедий.

Опубликованная в девятом томе МСЭ (март 1941 года) статья “Русские” начиналась с утверждения: “Великий русский народ — первый среди равных”. В опровержение “подлой клеветы на русскую нацию”, которую “Иуда-Бухарин в своей звериной вражде... назвал “нацией Обломовых””, там снова приводится указание тов. Сталина “на одно из замечательных качеств русского народа — на его революционный размах” (курсив мой. — Л.Д.). В контексте сталинской пропаганды “Иуда” — не абстрактный символ предательства. Это знаковое обозначение инородческой, а точнее, еврейской сущности антипода великорусского вождя. В беседе с Лионом Фейхтвангером, отраженной в печально известном опусе последнего “Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей”, вождь, встраивая в один ряд “предателей” Радека и Троцкого, говорит: “Вы, евреи, создали бессмертную легенду, легенду об Иуде” [цит. по: 18]. “Иуда-Троцкий” прочно связывается с Бухариным (“троцкистско-бухаринский блок”). В цитируемой выше статье “Русские” в контексте разоблачений Бухарина и Троцкого как “злейших врагов народа” — они “силовились опорочить русскую культуру” и “облегчить империалистам расчленение СССР” — советская энциклопедия патетически прославляет патернализм и мессианство русского народа и, упреждая

борьбу с “низкопоклонством перед Западом”, утверждает приоритет русских во всех областях культуры и исторического творчества.

Великий русский народ, пишется в той же статье, “славен как вождь, как друг, как соратник других народов... возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм”.

Народ здесь персонифицируется и увенчивается теми же метафорами, что и обожествленный к тому времени Сталин. Как и Сталин, русский народ — друг народов и вождь, возглавляющий их борьбу за счастье всего человечества. И подобно тому как величие вождя утверждалось в его борьбе с антиподами, которые самим фактом своего противостояния — неважно, мнимого или реального — переходили в разряд самых низменных существ — гнусных изменников, подлых убийц, вредителей, шпионов и т.п., так и провозглашение величия русского народа тоже сопровождалось борьбой. Она велась с теми, кому приписывали для начала отрицание этого величия, затем они превращались в “клеветников”, а далее в злейших — и уже не идеологических, а политических и шире — онтологических — врагов русского и всех ведомых им народов.

Ту же метаморфозу, какую претерпел Бухарин в уготовленном ему кафкианском процессе, претерпевает и пришедший ему на смену Еврей. Фигура нового идейного врага, неясная борьба с которым велась много раньше, начала вырисовываться после знаменитой здравицы вождя в честь русского народа, названного им (24 мая 1945 года) “наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза”. Его достоинства по схеме, сработанной в антибухаринском процессе, должны были утверждаться: а) опровержением клеветнических измышлений, б) противопоставлением антиподу.

И так же как антибухаринский процесс сопровождался кампанией против “антинародного” формализма в музыке, литературе, искусстве, архитектуре, театре, так и антикосмополитная кампания подготавливалась и сопровождалась такими ударами по интеллигенции как постановления по журналам “Звезда” и “Ленинград”, об опере Мурадели “Великая дружба” и т.п. Томас Манн в ноябре 1948 года писал: “Когда я вижу, как русские композиторы стоят на коленях и слышу, как пустыми голосами они каются: да, мы были формалистами и наше искусство было диссонантно, мы грешили, батюшка, и раскаиваемся, — мне становится жутко... Московские оценки искусства и предписания искусству в точности совпадают с оценками нацистов...” [19].

Эти параллели были очевидны многим. Но если говорить об образцах для подражания в публичных кампаниях конца сороковых годов, то ближним был не нацистский опыт, а собственная практика 30-х годов, которая была во многом подобна, но не тождественна нацистской. Подобие выразилось в том, что сталинская и гитлеровская схемы складывались по одной и той же логике — логике становления тоталитарных режимов, согласно которой разгром “идейных врагов” и установление тотального контроля над интеллигенцией предваряли и подготавливали физический террор — в Германии — геноцидный, в СССР — вначале “социоцидный”, соединенный потом с геноцидным — сперва тайным (“наказанные народы”), затем публично пропагандируемым, но до конца не осуществленным — еврейским.

После первых прицельных залпов по “формалистам” и “низкопоклонникам перед Западом” был назван тот, кто, сменив Бухарина, в свою очередь воз-

водил “поклеп на великий русский народ, бесстыдно клеветал на него, приписывал русскому народу самые отрицательные качества” [20]. Им оказался безродный космополит. Советский фольклор четко определил новую генеральную линию: “чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом”.

Как раньше бухаринская “нация Обломовых”, так теперь “клеветнические измышления космополитов” оправдывали пафос, с которым в сотнях публикаций, тиражированных миллионами экземпляров, напоминалось о том, какую “высокую оценку дал русскому народу товарищ Сталин”. В той же редакционной статье журнала “Большевик” особо подчеркивалась преемственная связь между “космополитами” и “злейшими врагами социалистического Отечества — троцкистами и бухаринцами” [20].

И так же как “антипатриотизм” Бухарина был лишь прелюдией к объявлению его врагом народа, так и космополитизм вскоре оказался орудием сионизма, состоящего на службе англо-американского империализма. Уже в кампании против космополитов, параллельно с которой шел подпитывающий ее закрытый процесс над Еврейским национальным комитетом, но главным образом с началом процесса Сланского и с появлением на сцене “убийц в белых халатах” Еврей-Сионист представлен в пропаганде не только как враг идейный, но и как враг политический, создающий разветвленную сеть заговоров против вождя, народа и государства. Оставался всего один шаг, чтобы, отождествив сионизм с еврейством как таковым, превратить Еврея во “врага рода человеческого”. Этот шаг будет сделан советской пропагандой 20 лет спустя — в период стагнации (“застоя”) советской империи, период ресталинизации и интенсивной нацификации различных русско-имперских идеологий, как советских, так и антисоветских, как языческих, так и христианских [21].

Идеология сталинизма: функции и механизмы адаптации

Метаморфозы Бухарина совершались в процессе возведения русско-имперского коммунизма в ранг государственной идеологии. Уподобленные им метаморфозы Еврея происходили в послевоенном СССР — на следующем этапе утверждения этой идеологии.

Именно тогда происходила смена “врага”, и антибухаринизм, ставший, по словам Стивена Коэна, составной частью идеологии сталинизма, замещался — в полном соответствии с намерениями вождя — антисемитизмом.

Но чем определялись сами эти намерения — может быть, неодолимой параноидальной юдофобией, как это было у Гитлера? Близкое этому объяснение дает Льюис Раппопорт [22]. В какой-то мере к такой же трактовке склоняются и некоторые другие исследователи. Действительно, бывший семинарист Сталин был, и это подтверждается многими свидетельствами, весьма и весьма подвержен антисемитским эмоциям, которые с особой силой одолевали его к концу жизни. Тем не менее он не Гитлер, многонациональный СССР не мононациональная Германия, а русский коммунизм, хотя во многом схож, но отнюдь не тождествен немецкому нацизму [23]. К тому же, в отличие от Гитлера у Сталина идеология не была самодовлеющей силой. Она всегда обслуживала политику, подчиненную генеральной цели — укреплению его единовластия в стране, коммунистической экспансии и доминированию СССР в мире.

Реализация этой цели определяла две взаимосвязанные функции сталинской гностико-дуалистической идеологии: 1) негативистскую — формирование доктрины и стереотипов врага, освящение и оправдание “кнута” репрессий, нагнетание страха путем разделения общества на “своих” и “чужих”, “посвященных” и “отлученных” (“еретиков”); 2) апологетическую — утверждение миссии, ликов и ролей мессии, “посвящение” и мобилизация тех общественных групп, которые становятся социальной опорой режима.

То, что в качестве идеологического “пряника” для “посвящения в свои” избиралась национал-имперская мессианская доктрина, свидетельствовало о возрастании социальной значимости кругов, исповедующих эту или близкую к ней идеологию. Это также означало, что отныне на эти круги, а не на интернационалистов-ленинцев (шла подготовка к их истреблению) Сталин делает ставку в аппарате, в силовых структурах и в среде интеллигенции. Аппаратчики, силовики и “своя” интеллигенция, то есть те, кто проводит, и те, кто освящает и пропагандирует политику вождя, становятся социальной опорой режима, при котором идеология играет не меньшую роль, чем система репрессий.

Таким образом, идеологию можно рассматривать как своеобразный индикатор, указывающий на те группы, которыми Сталин замещал или собирался заместить истребляемую им “ленинскую гвардию” и “неприрученную” интеллигенцию.

Идеологию также можно рассматривать как средство превращения “идейно близких” в “социально приближенных”. В процессе этой метаморфозы происходит адаптация официальной идеологии к позициям “социально приближаемых” путем включения исповедуемых ими и импонирующих им идей в официоз. Показателен в этом отношении процесс адаптации сталинской идеологии к идеологии национал-большевизма. Сталинизм, как правило, отождествляют с национал-большевизмом, хотя в своем первоначальном виде национал-большевизмом называлась идеология, существенно отличающаяся от сталинской, хотя в некоторых своих позициях и совпадающая с ней. Расширительное толкование понятия может привести к смешению разных по своей природе идеологических феноменов, из которых один относится к сфере обслуживающей власть государственной идеологии, а второй — к идеологиям, разрабатываемым в обществе. Такое толкование может также затемнить отношения власти и общества, дистанция между которыми всегда сохранялась, несмотря на все усилия тоталитарного режима создать однородное идеологическое пространство.

Николай Устрялов, один из первых и наиболее авторитетных идеологов национал-большевизма, выразивший свое кредо в сборнике “Смена вех” (Прага, июнь 1922), призывал эмиграцию принять большевизм, ибо он ведет к воссоединению отторгнутых территорий и восстановлению русской державы. Восстановление русской государственности и сохранение русского народа национал-большевизм рассматривал как свою главную и самодостаточную историческую задачу. Принципиальное отличие сталинского национал-имперского коммунизма от национал-большевизма состоит в том, что для Сталина мощное русское государство, укрепленное русским имперским патриотизмом в казуистическом сочетании с пролетарским интернационализмом, — это орудие укрепления его единовластия, орудие распространения коммунизма, то есть его сталинского влияния во всем мире. Россия и русский народ возвеличиваются именно потому, что пер-

выми воплощают коммунизм, трактуемый как глобальная цель всего исторического процесса. Таким образом, сталинская концепция, в которой русский народ и российское государство рассматриваются (а в политике используются) всего лишь как средство достижения генеральной цели — господства Сталина и его режима в России и во всем мире, явно противоречит концепции национал-большевизма, для которого сохранение русского народа и укрепление русского государства — самодостаточная цель, а большевизм — не более чем историей данное и само себя изживающее средство его достижения.

Однако идеи сильного централизованного государства, восстанавливающего границы русской империи и гарантирующего выполнение особой миссии русского народа, идеи, заимствованные Сталиным из русско-имперских идеологий и в препарированном виде включенные в официальную идеологию, делают созвучными сталинскую и устряловскую концепции. Созвучными, но не тождественными. Но и этого “созвучия” оказалось достаточно, чтобы, несмотря на миллионные жертвы, породить и сохранить веру в русско-державные мессианские потенции созданного Сталиным режима.

Этот идейный резонанс позволил Сталину превратить в “социально-близких” многочисленные группы партийных новобранцев, военных, интеллигенции, которыми он замещал пролетарских интернационалистов, все чаще отождествляемых с мировым еврейством и его стремлением к мировому господству. Включение русско-имперских идей в сталинский официоз было не чем иным, как идеологической адаптацией режима к его социальному базису — реальному и потенциальному.

Но поначалу Сталин осваивает и озвучивает в пропаганде лишь русско-апологетическую часть национал-имперских, прежде всего национал-большевистских доктрин. Их негативистская часть, сводимая чаще всего к разным версиям антисемитизма, оставалась за рамками официоза до тех пор, пока обоснование репрессий ограничивалось доктриной классовой борьбы. По мере девальвации этой доктрины, идущей параллельно с девальвацией интернационализма, вводились фигуры “внеклассовых” врагов — “изменников родины”, “врагов народа” и, наконец, “врагов русского народа”, которые по инкриминируемым им преступлениям были уже предельно приближены к “народу-врагу”¹. Все эти фигуры постепенно сближали негативистскую часть официальной идеологии с ее апологетической русско-имперско-коммунистической частью. Процесс был прерван войной, исключившей для властей возможность перехода от латентного антисемитизма к публичному, то есть открытого уподобления советского официоза нацистскому.

Но война же обнаружила повсеместно существовавшие резервы антисемитизма и тем самым похоронила миф об его спаде и даже полном исчезновении в СССР в 30-е годы. Миф этот основывался на ослаблении, а затем и полном прекращении в 1934 году начатой в 1926 году в советской печати

¹ Уже после атак на Бухарина Исая Лежнев (он с 1935 года возглавлял в “Правде” отдел литературы и искусства и, несомненно, был причастен к этим атакам) в статье “Смердяковы”, посвященной процессу Пятакова и Радека, на котором большинство обвиняемых были евреями, стремился показать, что подсудимые не просто враги народа, но прежде всего враги русского народа. Лейтмотивом статьи были слова Смердякова, якобы выразившие мысли и чувства приговоренных к казни: “Я всю Россию ненавижу... Русский народ надо пороть-с...” (“Правда”, 1937, 25 января).

противоантисемитской кампании. Раз нет борьбы с антисемитизмом, стало быть нет и самого антисемитизма.

Но строго засекреченные противоантисемитские процессы 30-х годов свидетельствуют, что антисемитизм не только существовал, но существовал в разных формах, как используемых властями (уже упоминавшийся публичный процесс над убийцей еврея врача), так и не приемлемых для политики властей. Аркадий Ваксберг на основе архивных материалов сообщал о ряде закрытых процессов, среди которых наиболее показательным он считает дело “антисоветской группы писателей-сибиряков” (10 человек, все расстреляны). Им инкриминировался “антисемитизм как способ обработки отсталых слоев в антисоветском, контрреволюционном духе...” [см.: 15]. Писатели вполне в духе “Протоколов сионских мудрецов” все беды в стране объясняли засильем евреев в партийном и государственном руководстве.

Закрытым был и процесс над философом Алексеем Лосевым. Его судили за работу “Дополнения к диалектике мифа”, которая, писалось в заключении, “является законченной философской и политической платформой воинствующего черносотенства” [24]. Из подробного конспекта работы, представленного в ОГПУ, следовало, что Лосев видел в еврействе источник всех разрушительных процессов в истории. Евреи установили советскую власть в России, именно они строят социализм, за которым последует разрушительная, но для евреев благодатная анархия.

Материалы этих *закрытых* процессов говорят о том, что Сталин избегал прямой полемики с версиями о засилье евреев во власти. Речь уже шла о том, что он опровергал подобные версии “явочным путем”, демонстрируя в борьбе с “клеветниками” и “врагами русского народа” кто является его истинным вождем. В ходе этой борьбы “незаконно” занявшие места инородцы неуклонно вытеснялись, а если того требовал общий сценарий, то и уничтожались. Но до поры до времени они своим именем не назывались. Открыто борьба с “засильем евреев” в искусстве была определена как особо актуальная задача в августе 1942(!) года [25]. Документы составлялись в высших партийно-идеологических инстанциях при непосредственном участии самых приближенных к вождю сановников — Александра Щербакова, его креатуры Георгия Александрова, интерпретаторов и исполнителей намерений и указаний вождя Жданова и Маленкова.

Стоит, однако, вспомнить, что волею вождя именно они были вознесены на партийный Олимп, замещая истребленных Сталиным “интернационалистов”. Эти назначения, за которыми просматривались массовые продвижения единомышленников, можно расценивать как адаптацию сталинской кадровой политики к национал-большевистской среде, адаптацией, которая дополняла и шла параллельно с адаптацией идеологической.

Что представляла собой эта среда?

Михаил Агурский в своем доскональном и разностороннем анализе национал-большевизма рассматривает огромный спектр течений, объединенных идеологией примирения с большевизмом как силой национальной, возрождающей российскую мощь и российскую государственность. Идеологический спектр он соотносит со спектром социальным, и тогда обнаруживается, что среди принявших большевизм значительную часть составляли те, кто противопоставлял большевиков коммунистам-интернационалистам, то есть евреям, кто уповал на то, что большевики отстоят Россию от еврейского засилья и посягательств.

По этим мотивам к большевикам после прихода их к власти примыкает часть крайне правых, среди них несколько руководителей и внушительное число рядовых членов Союза Русского Народа. Агурский пишет о широком проникновении правых в партию большевиков. По словам цитируемого им Изгоева, Союз Русского Народа “если и расцвел и одержал победу, то только приняв новый облик и влившись в коммунистическую партию” [цит. по: 16, с. 53].

Такой крупный правый деятель и идеолог антисемитизма, как Василий Шульгин, заявлял: “Знамя единой России фактически поднято большевиками!” (“1920”, Л., 1926). Это знамя вдохновляло и военных — из 130 тыс. командиров Красной Армии примерно половину составляли бывшие царские офицеры и генералы, отношение которых к евреям достаточно рельефно проявилось в годы гражданской войны [16, с. 55].

Многочисленные специалисты, разделявшие сменовеховские упования на “превращение России в национальное государство”, оправдывали свою работу на советскую власть начавшимся “изживанием революции”, под которым нередко понимали устранение евреев с руководящих постов.

Подобные взгляды получили широкое распространение среди интеллигенции как в эмиграции, так и в России. И не без участия ГПУ, организовавшего известную операцию “Трест”, “тайный” визит Шульгина в СССР в 1926 году и приуроченное к этому времени издание его книги “1920” в Ленинграде. Шульгин собирает материал для книги “Три столицы”, в которой с удовлетворением отмечает родство фашизма и коммунизма и, комментируя слова некоего своего собеседника (сотрудника ГПУ): “В современной русской жизни рядом с еврейским потоком, несомненно, пробивается и очень сильная русская струя на верхи”, — утверждает: “Жидов, конечно, скоро ликвидировать...” [16, с. 225–226].

Национал-большевистские упования такого толка находят живой отклик и среди членов партии, состав которой существенно меняется в годы ленинского призыва (1924–1926). Вновь принятые (а их 350 тыс., в четыре раза больше, чем старых членов партии) составляют компактное русско-крестьянское большинство. Партийные новобранцы привносят старые традиции, формировавшиеся под влиянием массивной и всепроникающей черносотенной пропаганды.

При таком раскладе внутри партии, при ситуации, когда советская система интегрировала социально значимые группы людей, так или иначе признававших национальный характер советского строя, Сталин выдвигает русско-мессианский лозунг “Социализм в одной стране” и начинает борьбу с левой оппозицией, возглавляемой евреями Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Борьба эта — при соответствующей режиссуре Сталина, воспринятая как противостояние еврейскому засилью, — придала дополнительный и мощный импульс антисемитским настроениям в партии и вне ее. Создав себе таким образом националистически-антисемитское алиби, Сталин готовит коллективизацию и индустриализацию, — народоубийственные акции, в ходе и по завершении которых он начинает разработку русско-имперской коммунистически-мессианской апологетики, призванной, как было уже сказано, закамуфлировать истинную сущность его единовластия, обеспечить ему имидж вождя русского народа и именно в таком качестве “вождя всех народов”, освятить начатый уничтожением старого партийного руководства массовый террор.

Так в общих чертах выглядит генеалогия русско-имперского коммунистического мессианства — идеологии сталинизма, в рамках которой была сформирована доктрина русско-советского государственного антисемитизма.

Литература

1. *Kipnis M.* Russian-Language Soviet Books against Antisemitism. 1925–1934: An annotated Bibliographi // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. — Jerusalem, 1992. — Spring. — № 1(17).
2. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. — Лондон, 1989. — С. 299–308; *Дымерская Л.* Замечания к истории, или история, сотворенная по Замечаниям // Страна и мир. — Мюнхен, 1985. — № 12. — С. 43–50; 1986. — № 11. — С. 67–77.
3. “Прости меня, Коба...” Неизвестное письмо Н.Бухарина // Приложение к журналу “Родина”. — Москва, 1993. — С. 23–25.
4. *Конквест Р.* Большой террор. — Флоренция, 1974. — С. 249–250; 255–256, 350–360.
5. *Кестлер А.* Слепящая тьма. Трагедия стальных людей. — Москва, 1989.
6. *Улановская М.* Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера. Сер. “Евреи в мировой культуре”. — Иерусалим, 1996. — С. 30–31.
7. Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б.И.Николаевским // Социалистический вестник. — 1965. — № 4. — С. 92.
8. *Флейшман Л.* Борис Пастернак в 30-е годы. — Иерусалим, 1984. — С. 296.
9. *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. — Москва, 1994.
10. *Бухарин Н.* Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР // Известия. — 1934. — 30 марта; см. также: Известия. — 1935. — 8 мая.
11. *Коряков М.* Живая история, 1917–1975. — S.l., s.a.
12. *Бухарин Н.* Расширение советской демократии // Известия. — 1936. — 1 мая.
13. *Бухарин Н.* Маршруты истории. Мысли вслух // Известия. — 1936. — 6 июля.
14. *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография, 1888–1938. — Нью-Йорк, 1980. — С. 371, 375–380.
15. *Ваксберг А.* Сталин против евреев: Секреты сталинской эпохи. — Нью-Йорк, 1995.
16. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. — Париж, 1980. — С. 207.
17. *Авторханов А.* Технология власти. — Франкфурт н/Майне, 1976. — С. 238–240.
18. *Вайскопф М.* Писатель Сталин // Новое литературное обозрение. — Москва, 2001. — С. 256.
19. *Манн Т.* Письмо Гансу Майеру от 14.11.1948 // Томас Манн о немцах и евреях / Сост. Л.Дымерская-Цигельман (вступ. ст.), Е.Фрадкина (пер. с нем., прим.). — Иерусалим, 1990. — С. 327.
20. Большевик. — 1949. — № 5.
21. *Дымерская-Цигельман Л.* Л.Корнеев как феномен советского антисемитизма 70-х–80-х гг. // Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях: Бюллетень Центра изучения восточноевропейского еврейства. — Иерусалим, 1986. — Февраль (№ 2). — С. 1–23.
22. *Rapoport L.* Stalin’s War Against the Jews: The Doctor’s Plot and the Soviet Solution. — New York, 1990.
23. *Дымерская Л.* Томас Манн и Николай Бердяев о духовно-исторических истоках большевизма и национал-социализма // Вопросы философии. — 2001. — № 5.
24. Так истязуется и распинается истина... А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ // Приложение к журналу “Родина”. — 1996. — № 4.
25. *Костырченко Г.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. — М., 1994. — С. 9–13.